ганизацию времени, переписку героев, мотив памяти и связь времени с пространством, чтобы создать глубокий и трагичный образ жизни людей, лишенных возможности изменить свою судьбу. В «Бедных людях» время не просто течет, а давит, угнетает и, в конечном счете, разрушает жизни героев.

Список цитируемых источников

1. *Нестерик, Э. В.* Свойства и функции исторического времени в художественном тексте / Э. В. Нестерик, В. О. Клунная // Молодой ученый. — 2016. — № 2 (106). — С. 919—922.
2. *Матвеева, Т. В.* Текстовое время / Т. В Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка // под ред. М. Н. Кожиной ; члены редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковродников. — М. : Флинта : Наука, 2006. — С. 536—539.
3. *Папина, А. Ф.* Текст : его единицы и глобальные категории : учебник / А. Ф. Папина. — М. : УРСС, 2002. — 368 с.
4. *Тураева, З. Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное : учеб. пособие / З. Я. Тураева. — М. : Высш. шк., 1979. — 219 с.
5. *Серопян, А. С.* Концепт «время» в творчестве Ф. М. Достоевского. Культурологический аспект : дис. … канд. культурол. наук : 24.00.01 / Серопян Авестис Сережаевич ; Шуйск. гос. пед. ун-т. — Шуя : Шуйский гос. пед. ун-т, 2009. — 138 с.
6. *Ковалев, О. А.* Время и нарратив в творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Ковалев. — Барнаул : Алтайский ун-т, 2011. — 316 с.
7. *Достоевский, Ф. М.* Бедные люди / Ф. М. Достоевский. — М. : ООО «ДА!Медиа», 2014. — URL: https://rusneb.ru/catalog/010000_000060_ART-e928a15b-7ed6-405f-a910-f949895cbba6/ (дата обращения: 21.08.2025).

УДК 882

С. А. Белохвостик, А. А. Воронцевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ И НЕВИННОСТИ В РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»: МОЖНО ЛИ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ, НЕ ЗНАЯ СТРАДАНИЯ?

Введение. Фантастический рассказ «Сон смешного человека» (1877 г.) принадлежит к числу наиболее сложных и даже загадочных произведений Ф. М. Достоевского, не поддающихся однозначному толкованию. В последние годы интерес исследователей к этому рассказу значительно усилился [1, с. 63]. «“Сон смешного человека”, — отмечал М. М. Бахтин, — это рассказ, в котором на очень-очень маленьком пространстве обозначены практически все основные огромные темы позднего Ф. М. Достоевского» [2, с. 174].

В рассказе «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевский проводит рискованный эксперимент, помещая своего героя, современного ему разочарованного человека, в условия абсолютного, райского бытия. Центральным конфликтом этого произведения становится антиномия — столкновение двух, казалось бы, неоспоримых, но взаимоисключающих истин: безмятежной невинности, не ведающей зла, и горького знания, принесенного страданием. Возможно ли подлинное счастье в неведении, или оно обретает ценность лишь после познания горя? Попытаться ответить на этот вопрос и является целью нашего исследования.

Основная часть. Планета, которую посещает во сне герой, — воплощение утраченного человечеством идеала. Ее обитатели живут в полной гармонии с миром и собой. Они не знают вражды, собственности, ревности; их любовь всеобща и лишена эгоизма. В них нет страха смерти, потому что они воспринимают ее как естественную часть жизни. Это состояние Ф. М. Достоевский описывает как «цельное чувство», полное и непосредственное переживание бытия.

Планета, которую посещает во сне герой, — воплощение утраченного человечеством идеала. Ее обитатели живут в полной гармонии с миром и собой. У них нет знаний («*…знание их восполнялось и питалось иными проникновениями, чем у нас на земле, и что стремления их были тоже совсем иные. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся сознать ее, потому что жизнь их была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки*» [3, с. 7]), они не знали, что такое болезни и горе в нашем понимании *(«У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая*» [3, с. 7]), они живут в абсолютной гармонии с собой и с природой («*Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами… Так смотрели они и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их же любовью*» [3, с. 7]). Их счастье было полным, но основанным на незнании альтернативы. Герой задается вопросом: можно ли считать это состояние истинным, если оно не прошло проверку опытом? «*Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся сознать ее, потому что жизнь их была восполнена*» [3, с. 7]. Это состояние подобно райскому саду до грехопадения — совершенно, но хрупко и, как выясняется, неспособно к защите от знания о зле.

Герой, будучи носителем земного становится причиной катастрофы. Он сам не понимает, как это происходит: «*Как это могло совершиться — не знаю, не помню ясно»* [3, с. 8]. Он подобен *«скверной трихине, как атом чумы, заражающий целые государства*» [3, с. 9]. Знание, которое он невольно приносит, — это прежде всего знание лжи.

Репозиторий БарГУ

Этот «атом лжи» становится катализатором цепной реакции падения. За ложью следует сладострастие, за ним — ревность, а затем и жестокость. Знание о альтернативе — о возможности иметь «мое и твое» — разрушает изначальное единство. Люди узнают стыд и возводят его в добродетель, изобретают понятия о чести и справедливости, создают кодексы, законы и гильотину для их защиты. Так знание, призванное нести свет, оборачивается инструментом разделения и страдания.

Самое парадоксальное, что, вкусив от плода познания, люди уже не могут и не хотят вернуться в прежнее состояние невинности. Они называют его «мечтой» и «сказкой», но при этом бессознательно тоскуют по нему, обожествляя саму идею утраченного счастья *(«Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой»* [3, с. 9], *«Они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же «желанию»* [3, с. 9]).

Они начинают верить, что истинное знание и сознание жизни — выше самой жизни, а страдание — единственный путь к истине: *«Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением»* [3, с. 9].

Так Ф. М. Достоевский показывает трагический круг: стремление к знанию разрушает невинность и счастье, а порожденное этим страдание объявляется новой, высшей ценностью и единственным средством для достижения утраченной гармонии, которая теперь кажется принципиально недостижимой.

Ф. М. Достоевский не дает однозначного ответа, какое состояние предпочтительнее. Он сталкивает два полюса:

1. Счастье без знания: абсолютное, но, возможно, «спящее» блаженство. Это состояние целостности, но лишенное выбора, рефлексии и, с земной точки зрения, глубины. Герой признается, что не мог до конца понять их знание, но его сердце *«проникалось им безотчетно»* [3, с. 8].
2. Знание без счастья: мучительное, раздробленное существование, полное страдания, но именно оно порождает сознание, науку, искусство, религию — всю сложную и трагическую культуру человечества.

«В «Сне смешного человека» писатель покажет, как один человек заразил и развратил все человечество. Но, принимая доказательство от противного, нужно заключить, что с одного человека может начаться и произойти и исцеление всего человечества» [4, с. 24]. Герой, пробудившись, делает свой выбор. Он видел истину и не может забыть ее. Его проповедь — это не призыв вернуться в животное неведение, а попытка донести до людей, уже познавших зло, тот идеал любви, который он видел (*«Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться»* [3, с. 11]). Он понимает, что его миссия обречена на непонимание и насмешки в мире, где *«сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья»* [3, с. 11], но он готов к этому. Его вера основана на живом опыте: *«Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей... я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки»* [3, с. 10].

Заключение. Проблема знания и невинности в «Сне смешного человека» остается открытой. Ф. М. Достоевский не утверждает, что невинность — это утопия, недостойная разумного существа. Наоборот, он показывает ее как утраченный идеал, к которому бессознательно стремится даже падшее человечество. Однако он также показывает, что путь назад закрыт. Знание, раз полученное, нельзя отменить. Счастье, не знающее страдания, возможно, но лишь как данность, как райское состояние, которое хрупко и может быть разрушено самим фактом познания. Истинное же человеческое счастье, по Ф. М. Достоевскому, возможно не в избегании страдания и не в возврате в невинность, а в преодолении зла через сознательный, деятельный выбор любви и сострадания, даже в самом сердце трагического опыта. Герой в финале идет не в райский сад, а к *«маленькой девочке»* [3, с. 11] — символу страдающего мира, чтобы нести свою проповедь, тем самым выбирая путь деятельной любви в условиях уже обретенного знания.

Список цитируемых источников

1. *Степанян, К. А.* Загадки «Сна смешного человека» / К. А. Степанян // Достоевский и мировая культура. — СПб., 2014. — № 32. — С. 63—83.
2. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — 4-е изд. — М. : Советская Россия, 1979. — 318 с.
3. *Достоевский, Ф. М.* Сон смешного человека / Ф. М. Достоевский. — URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/dostoevskii_fedor_son_smeshnogo_cheloveka.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
4. *Касаткина, Т. А.* Сон смешного человека: личность как рычаг преображения мира / Т. А. Касаткина // Герменевтика. Медленное чтение. — С. 16—44. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/son-smeshnogo-cheloveka-lichnost-kak-rychag-preobrazheniya-mira?ysclid=mhi76hllql435424302 (дата обращения: 15.07.2025).

Репозиторий БарГУ